

СОБЫТИЕ**СУБЪЕКТ КАК БРИКОЛАЖ СОБЫТИЙ**

ДМИТРИЙ ОЛЬШАНСКИЙ

Россия, Санкт-Петербург

Психоаналитик

Контакт: olshansky@hotmail.com

Представленный текст является тезисами лекции «Философия события», прочитанной Дмитрием Ольшанским в Южном федеральном университете 16 декабря 2016 года.

Жиль Делёз определял событие как пресечение сингулярностей, «метаморфозы и перераспределение сингулярностей»¹.

Но это верно только для ограниченного числа структур, а именно для тех, в которых есть сингулярности. А что же с остальными? Возникает вопрос: возможно ли событие в тех структурах, где нет сингулярностей? Имеет ли событие иной статус или оно не возможно в принципе?

Например, рассмотрим структуру невротика навязчивости, который всегда совершает одни и те же поступки, одни и те же ошибки, одни и те же действия; никакой сингулярности в его жизненном мире не существует, есть только повторение, серийность и бегство от события. Человек, который наступает на одни и те же грабли, совершат ли он поступок или избегает действий? Можем ли мы сказать, что событие для него недоступно? Или же в

¹ Deleuze G., *Logique du sens*, P.: Minuit, 1969. P. 91.

его случае событие имеет иной статус, например, статус поломки повторения, через которое и заявляет о себе случайность и единичность? Или как Бахтин говорить про «Госпожу Бовари»: с ней не происходит событий, а только «бывания». Её мир состоит из повторяющихся бываний, из которых героиня тщится вырваться, но это невозможно, а событие отрыва оказывается для неё смертоносным. Этот истерический прорыв из обсессивного мира оборачивается для неё катастрофой.

Или другой вариант: каким может быть событие в тех структурах, которые состоят из одной сингулярности и не имеют переменных и в которых означающие не пересекаются и не заменяются другими? Если множество представлено одним элементом оно не может быть пересекающимся множеством. Я имею в виду психотическую структуру, которая выстроена вокруг одного элемента, который никогда не утрачивается, не обменивается и не вступает в отношения метафоры, вокруг Единого в платиновом смысле. Никаких пересечений, метаморфоз и распределений в этой структуре быть не может. Каково же тогда событие в психозе? Можем ли мы называть развязывание психоза, шизофренический криз, таким событием? Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с необходимым событием коллапса психической структуры, но событие это утроено совершенно иначе, нежели поломка обсессивного невроза. В последнем случае, высвобождается тревога, в случае психоза происходит полный крах субъекта.

Наконец, обратим внимание на третью структуру, о которой мы почти ничего не знаем, структуру перверсивную, в которой событие не является чем-то из ряда вот выходящим, ломающим структуру или чем-то катастрофическим, напротив, событие для перверта вполне предсказуемо и планируемо. Можно даже сказать прописано и закреплено договором. Не случайно один из разработчиков теории общественного договора и одним из крупнейших реформаторов юридической системы Франции был маркиз де Сад. Событие в мире перверта вполне ординарное событие, оно не разрушает его, не подламывает его основ, но, напротив, он довольно легко обнуляет себя. Перверт исчезает как субъект, превращает себя в вещь, низводит до статуса объекта вполне легко, что немислимо и травматично, например, для невротика. Перверт же легко перечёркивает себя, делит на ноль свой психический мир, без каких бы то ни было потерь.

Я веду к тому, что мы не можем выстроить единую концепцию события, верную для любого человеческого состояния и человеческого бытия, поэтому некорректно было бы говорить о событии, в единственном числе, а только о событиях. Всякий раз мы должны исходить не только из структуры (а я продемонстрировал, что события во всех структурах совершенно разные и по форме и по последствиям), но и принимать во внимание психические регистры, внутри которых происходят события.

Событие как обнуление реальности

Представьте себе, что вы оказались в Иерусалиме 3791 года от сотворения мира и случайно встречаете вошедшего в город Христа. Представьте, что вы почувствуете в этот момент. Какие переживания посетят вас в момент встречи с этим человеком? И если вы что-то почувствовали, то, наверняка, вы бесноватый. Евангелие ясно говорит нам, что только одержимые злым духом распознали в Христе спасителя и испытали дискомфорт, тогда как все остальные люди ничего не почувствовали.

καὶ εὐθὺς ἦν ἐν τῇ συναγωγῇ αὐτῶν ἄνθρωπος ἐν πνεύματι ἀκαθάρτῳ καὶ ἀνέκραξεν λέγων τί ἡμῖν καὶ σοί Ἰησοῦ Ναζαρηνέ ἦλθες ἀπολέσαι ἡμᾶς οἶδά σε τίς εἶ ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ. В синагоге их был человек, одержимый духом нечистым, и вскричал: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. [Марк 1:23-24]

καὶ ἐν τῇ συναγωγῇ ἦν ἄνθρωπος εἶχων πνεῦμα δαιμονίου ἀκαθάρτου καὶ ἀνέκραξεν φωνῇ μεγάλῃ εἶ τί ἡμῖν καὶ σοί Ἰησοῦ Ναζαρηνέ ἦλθες ἀπολέσαι ἡμᾶς οἶδά σε τίς εἶ ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ.

Был в синагоге человек, имевший нечистого духа бесовского, и он закричал громким голосом: оставь; что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас; знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. [Лука 4:33-34]

Это встреча стала событием только для бесноватых, для всех остальных жителей Иерусалима встреча с Иисусом Христом не является событием и вообще проходит незамеченной. И только после Воскресения эти люди прозревают и понимают, что за человек находился рядом с ними. Из этого мы можем заключить, что в момент случая события оно остаётся незамеченным и нераспознанным, а фиксируется только пост-фактум. Любое событие приходит к нам уже случившимся в эффекте последствия. Говорить о нём мы можем либо в прошедшем времени, либо в будущем. В последнем случае, даже не подозревая какую форму и обличие это событие будет носить.

Событие отличается от случая тем, что оно не просто модифицирует реальность, а меняет сами её координаты, обнуляет точки отсчёта реальности. Также как появление христианства задаёт не только новую логику времени и концепции человека, но и новое глобальное мировоззрение, в котором нет ни

эллина, ни иудея. По сути, первую идею глобализма и новую модель субъекта веры.

Если психической реальностью называть то, что повторяется, то событие, как обнуление реальности – это то, что не имеет повторения. Как говорит Паскаль Киньяр о событии любви: «Когда мы любим в первый раз, мы не знаем об этом, а потом пытаемся лишь повторить это первое событие». Парадокс события заключается в том, что событие нельзя повторить и перезаписать. То есть, мы всегда имеем дело с сингулярным актом, состоявшимся в прошлом, результатом которого и является наша реальность и наши формы чувственности. А поскольку психическая реальность у каждого человека своя собственная, то и событий, лежащих в основе становления субъекта должно быть несколько. Например, я никогда не стою перед выбором родиться мне или не родиться, мужчиной стать или женщиной, или вовсе отказаться от выбора пола, какую ориентацию мне предпочесть, стать ли первертом, психотиком или истеричкой, – этот выбор всегда дан уже свершившимся. Было бы наивно полагать, что какую-то травма, которая легла в основание становления субъекта можно скорректировать или перезаписать верным образом, как представляла себе до-фрейдская психология, например, метод Шарко. Событие всегда уже состоялось. Безвозвратно. А повторение представляет собой лишь попытку прикоснуться к его сингулярности. Например, любой праздник, который мы обсессивно отмечаем – это лишь попытка оставить след во времени и пространстве, запущенным (прото)событием.

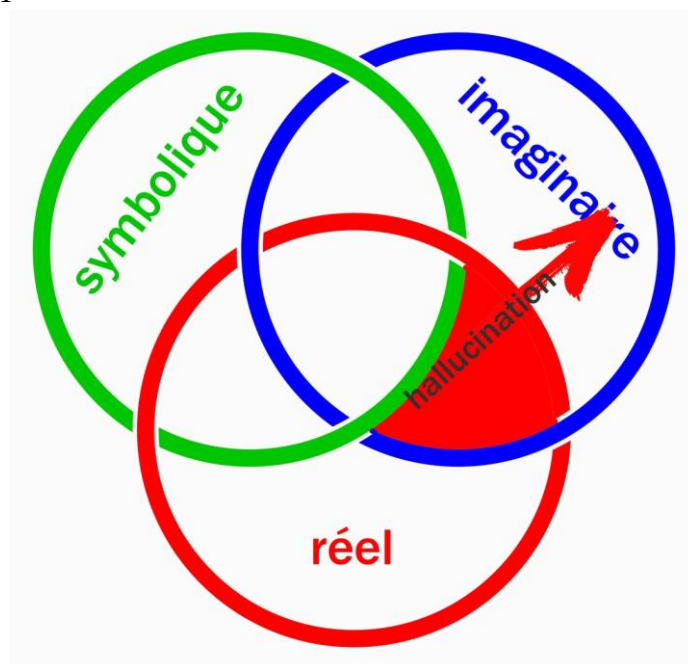
Шесть типов события

Обратимся к модели психического аппарата, предложенной Лаканом в 1953 году. В первой топике он описывает три психические регистра: реальное, символическое и воображаемое. Я бы мог определить событие как переход или вторжение одного психического регистра в другой. Исходя из лакановской схемы, я мог бы обозначить шесть типов событий.

1. Первый тип психического события – это галлюцинация, которая возникает при вторжении реального в воображаемое, в обход символического. Фрейд говорит об этом в случае «Человека-волка» [Freud S. *Aus der Geschichte einer infantilen Neurose*, 1918]: то, что пациент не принял внутрь возвращается к нему извне в форме галлюцинации. То, что было отвергнуто в символическом, вторгается со стороны реального (Рис.1). В случае «Человека-волка» непризнанный факт кастрации вторгается в психический мир пациента в форме галлюцинации с отрезанным пальцем: то есть он видит воочию то, что не нашло представительства в символическом мире и было прописано в его психическом пространстве. Несомненно, это то событие, которое способно разрушить структуру, если только на помощь субъекту не приходят символические

подпорки, например, в виде бреда, который Фрейд называет «попыткой пациента излечить себя». Почему галлюцинация разрушительна? Почему вторжение реального в воображаемое несёт угрозу? Не просто потому что она показывает то, чего нет, а потому что это в принципе не может быть символизировано.

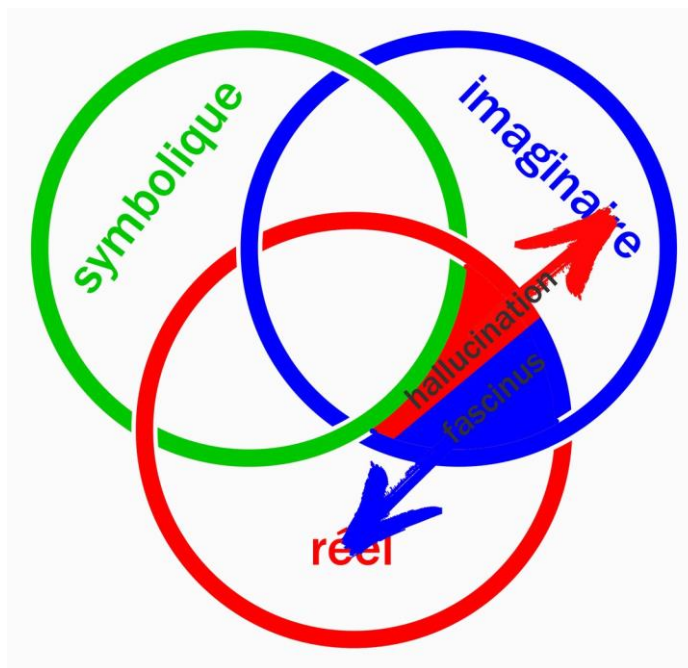
Рисунок 1

2. Второй тип события я назвал Fascinus – замороженность. Это понятие Паскаля Киньяра, которым он описывает обездвиживающую, пленяющую прелесть образа, оцепенение перед взглядом Медузы. Эта скованность взглядом Другого представляет собой вторжение воображаемого в реальное, чем пользуется гипноз (Рис.2). Теолог Игнатий Брянченинов описывает грех прелести, которой мы поддаёмся, когда позволяем обольщать себя образам. Клинический пример этой захваченности и парализованности образом Фрейд описывает в случае Доры [Freud S. Bruchstücke einer Hysterie-Analyse, 1905], пациентке, которая провела несколько часов, не отрываясь от фрески Сикстинской мадонны. В современной клинике известен так называемый синдром Стендаля, когда субъект оказывается до такой степени впечатлён произведением искусства, что теряет над собой контроль и впадает в беспамятство. Он буквально не видит разницы между зеркалом и полотном, поэтому обездвиживается, подобно изображению на картине. Синдром Стендаля не является безумием в чистом виде, хотя у меня была пациентка, которая в течение жизни пережила пять госпитализаций в психиатрических клиниках, после посещения музея и встречи с полотнами Ван Гога, Гогена и Моне. «Когда я увидела вихри на «Ночном небе» Ван Гога, меня закрутило и

повело всё моё тело», - говорит она. Нельзя не заметить этот гипнотический эффект зачаровывания единичной чертой: вихри на картине закручивают её тело. Воображаемое вторгается в реальное, и художественный образ начинает в буквальном смысле вести тело. Fascinus не является противоположным или взаимообратным событием по сравнению с галлюцинацией, эффект его не отменяет и не снимает галлюцинацию, хотя он и не менее травматичен.

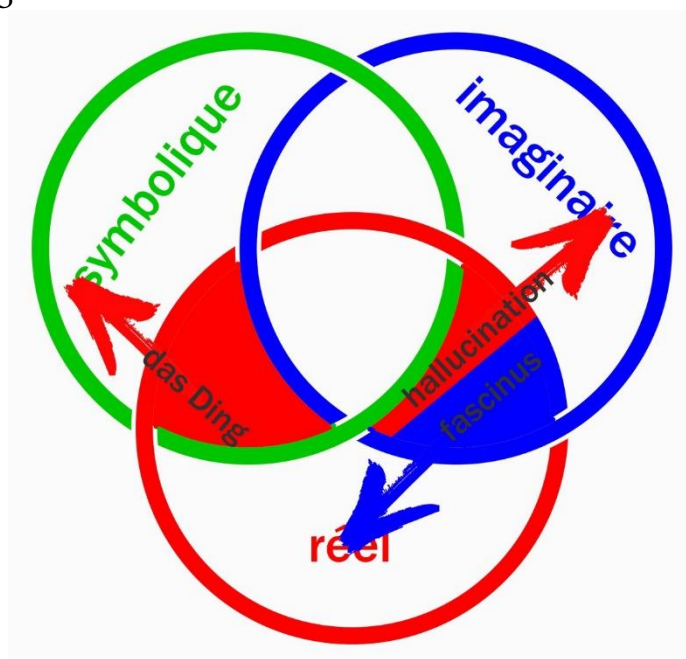
Рисунок 2

3. Третий тип события даёт нам Das Ding – Вещь – движется из реального в символическое (Рис.3). Фрейд говорит о вещественности бессознательного в связи с толкованием сновидений. Он отмечает, что в определённый момент толкование исчерпывает себя и наталкиваются на некий далее не разложимый элемент, который не может быть истолкован не в силу сопротивления бессознательного или интерпретатора, а в силу самого материала, который в принципе не может быть символизирован и представлен в поле означающего. Фрейд называет эту вещь *Nabel des Traum*, пуповиной сновидения, которая указывает на вторжение реального в символическое. Тот кусок реального, который в принципе не может быть высказан, представлен и символизирован. И в любой интерпретации мы доходим до того рубежа, дальше которого никакие слова уже не имеют значения. Этот регистр языка, который связывает его с телом и с объектами влечений. Часто так бывает, что психоанализ начинается именно тогда, когда пациенту больше нечего сказать, когда его речь иссякла, выговорила себя, он интерпретировал уже всё, что позволяла его структура. В работе с кошмарными сновидениями мы чаще всего встречаем Das Ding, когда психика приближается к точке реального, сновидение прерывается и человек

просыпается, чтобы не травмироваться о реальное. То есть психика предпринимает бегство в более безопасную и более предсказуемую реальность, чем реальность сновидения. Некоторое время назад я стал наблюдать любопытный эффект сновидений, когда пациент видит во сне что-то смешное и просыпается от смеха. Очевидно, что прерывание сновидения в данном случае тоже связано с защитой от наслаждения (хотя и не в форме страха, а в форме смеха), но Das Ding является совершенно в ином виде. Можно предположить, что тревога и страх – не единственные лики Das Ding, под которыми является нам реальное, не единственный способ, которым реальное входит в символическое.

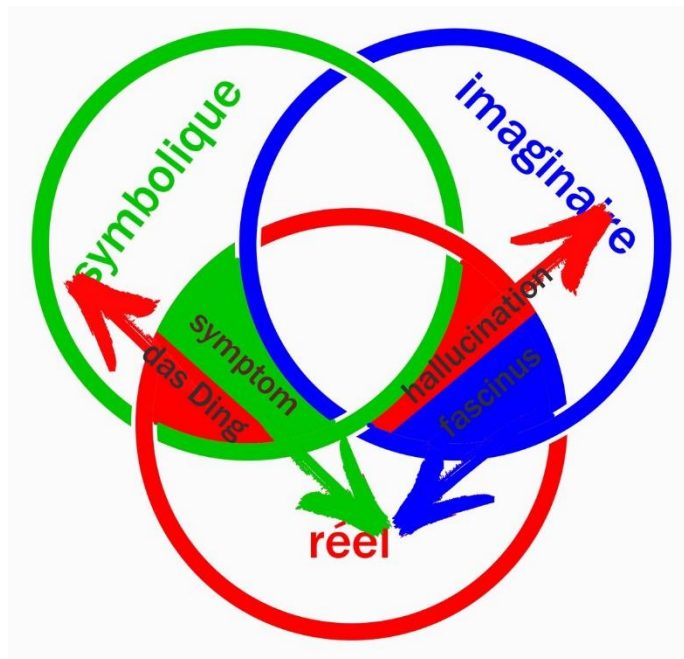
Рисунок 3

4. Четвёртый тип события представляет собой движение из символического в реальное, и это симптом (Рис.4). Психоанализ как раз и начинается с открытия того факта, что телесность прописана символически, поэтому любой истерический симптом, с которыми начинал работать Фрейд и Бройер [Freud S., Beuer J. Studien über Hysterie, 1895] нуждаются не в лечении, а в толковании. Первые шаги психоанализ как раз и делает на пути понимании символической структуры телесности и письма тела.

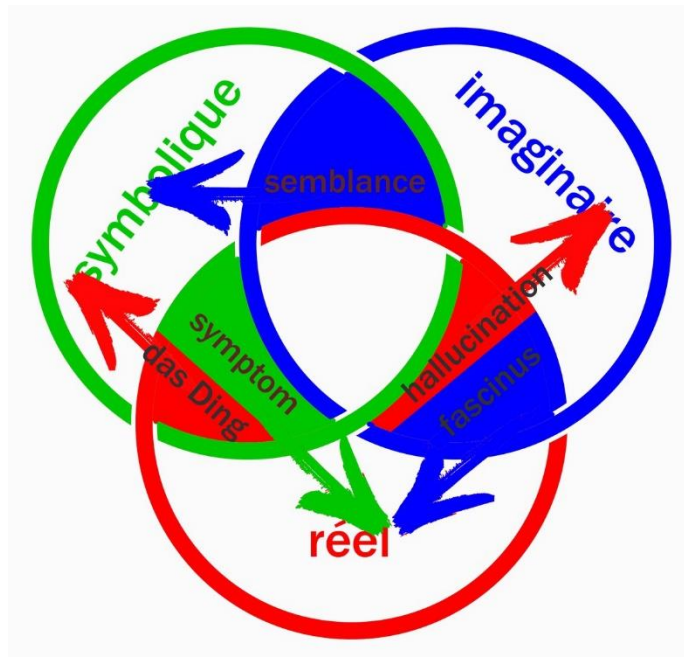
5. *Semblance* – кажимость, это то, что субъект представляет относительно самого себя и что, что выстраивает его авторский дискурс. Всякий раз, говоря о себе, я рассказываю о некоем призраке (или самозванце), которого я ошибочно принимаю за самого себя. То есть дискурс подчинён некоторый кажимости, ложному феномену. Этот тип события не только не травматичен, но и вполне распространён.

Рисунок 4

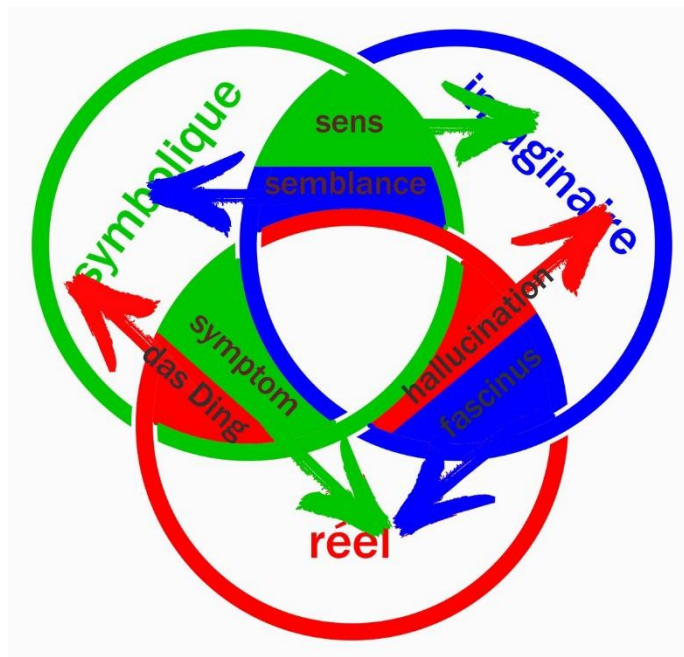
Иллюзия присвоение себе некоторого образа не только не является травмой, а, напротив, вполне распространённый способ событий в невротической структуре (Рис.5). Отвечая на промежуточный вопрос - всегда ли событие должно быть травмой и разрывом реальности – я отвечаю отрицательно. Нет, не всякое событие таково, например, событие узнавания себя в зеркале не несёт травматического разрыва шаблона реальности и не является болезненным опытом для собственного я, поскольку это я ещё не существует, а возникает оно только в результате этого события *semblance*.

Рисунок 5

6. Смысл – это переход из символического в воображаемое. И всё, что говорил нам Делёз в «Логике смысла», относится только к этому шестому типу событий (Рис.6). Событие смысла представляет собой индивидуальное проживание некоторого фрагмента символического порядка, прорастание символа в личном опыте субъекта. Частным случаем такого события является инсайт, новое смыслообразование в истории субъекта, которое подвергает деконструкции его прошлое.

Рисунок 6

Таковы шесть базовых типов события, которые мы можем проанализировать, исходя из первой модели психики Лакана, и использовать в нашей клинической работе. Вторая топология Лакана требует от нас трёхмерной модели события, которой мы займёмся в будущем.

Сделанные нами выводы уже не вписываются в структурную модель невроза, психоза и перверсии, а требуют от нас совершенного иного клинического подхода. Каждый субъект задан не только тремя механизмами отрицания, а шестью типами событий, которые выстраиваются в последовательность и формируют пространство, время и априорные формы чувственности каждого субъекта. Следовательно и мыслить нашу клиническую работу мы должны, исходя из бриколажа психических событий, а не из данности структуры. Отдельного внимания заслуживает вопрос о психоаналитической технике работы с психическими событиями.

REFERENCES

Deleuze G., *Logique du sens*, P.: Minuit, 1969.